

обществе. С большой долей вероятности можно предположить, что на востоке Турции, также, как и в Таджикистане, очагом распространения исламских взглядов являются соседско-родовые общественные структуры. Однако при этом, несомненно, что в Турции относительно более высок удельный вес и начавших придерживаться исламских взглядов носителей индивидуального сознания, присоединившихся к сторонникам ислама по конъюнктурно-политическим соображениям или из-за относительного ослабления влияния ведущих светских партий. Тем не менее, не будет ошибкой сказать, что деление общества на светскую и активно исламскую части во многом тождественно делению на носителей индивидуального сознания (западного) типа и носителей коллективистского сознания, легко признающего нормы мусульманского права. Миграционные же процессы в Турции, основное направление которых с более отсталого Востока на более развитый Запад, приводят к тому, что прогрессирующая исламизация общества начинает захватывать и крупнейшие города Турции, в первую очередь Стамбул.

При описанной выше преобладающей модели распространения ислама в обществе, совершенно ясно, что его члены охватываются религиозными взглядами весьма высокими темпами. Данное обстоятельство не может не вызывать беспокойства по поводу перспектив развития турецкого общества, что является источником определенного социального напряжения и в самой Турции, и среди армейского руководства страны, традиционно выступающего хранителем принципов лаицизма.

Таким образом, можно говорить о высокой степени актуальности методологических исследовательских принципов, предложенных авторами книги и достаточно широких возможностях их использования.

Н.Ю. Ульченко

© 1998 г., ЭО, № 1

Имя и этнос / Р.Ш. Джарылгасинова, В.Н. Шикарев. М., 1996. 188 с.

Рецензируемый сборник статей «Имя и этнос», подготовленный Группой ономастики Института этнологии и антропологии РАН, продолжает научные публикации по проблемам этнической ономастики¹. Статьи, представленные в данном труде, объединены одной идеей – взаимодействие ономастики и этнографии. На материалах разных народов мира авторы показывают важность привлечения ономастических данных для решения кардинальных проблем этнографии. Свидетельства разных направлений ономастики являются ценными источниками для исследования проблем этногенеза, в том числе этнической истории, расселения народов, этнокультурных контактов. В сборнике представлены статьи по общим вопросам ономастики, по этнонимии, антропонимии, теонимии, топонимии.

Сборник посвящен памяти Владимира Андреевича Никонова (1904–1988) – выдающегося ученого, более 20 лет возглавлявшего Группу ономастики ИЭ АН СССР – ныне ИЭА РАН.

В разделе «Общие проблемы ономастики» представлены две статьи. На богатом архивном материале П.Н. Парфенова исследует этнонимы и этнонимические антропонимы Зауралья XVI–XVIII вв., в период его первоначального заселения русскими (с. 10–17). Автор отмечает, что памятники русской письменности Зауралья этого периода – ценный источник для изучения этнокультурных контактов населения региона. Привлекает внимание статья Н.Ф. Мокшина «Мордовско-тюркские этнокультурные связи (по материалам этнонимии и антропонимии)» (с. 18–22). Автор отмечает, что мордовский народ заимствовал от соседних тюркоязычных народов много домусульманских личных имен, а также небольшое количество мусульманских имен, главным образом, иранского и арабского происхождения. Н.Ф. Мокшин считает этнонимы мордва и эрзя иранизмами: в их основе, по его мнению, таджикское мард «мужчина» и иранское арсан «самец, мужчина, герой».

В разделе «Этнонимия» представлены исследования по этнонимии народов Кавказа в 80-е гг. XIX в. (Н.Г. Волкова) и этнонимии ахалцихских турок (месхетинцев) (А.Г. Осипов). Новые материалы представлены в работах по этнонимии ороченов (В.А. Уголуков) и улъта Сахалина (Л.И. Миссонова). Впервые в нашей науке в статье О.В. Егорунина дана полная обобщающая сводка по этнонимии народов Лаоса. Истории этнонима «бай» посвятил свою работу Г.Ю. Ситнянский.

Примечательна статья Н.Г. Волковой «Этнонимия в трудах экономического обследования Кавказа 1880-х годов» (с. 24–32), в которой автор продемонстрировала сложность ономастических исследований в этом многоязычном регионе, где нередко этнонимы и топонимы тесно связаны, что характерно для мест расселения народов, имеющих разветвленную родоплеменную структуру.

Большой интерес представляет статья А.Г. Осипова «Этнонимия ахалцихских турок (месхетинцев)» (с. 33–42). Ахалцихские турки – тюркоязычные мусульмане-сунниты. В генезисе месхетинцев, помимо собственно азиатских турков, основное участие приняли отуреченные грузины-мусульмане. Уже в XIX в. они считали себя не грузинами, а турками. Но в первой половине нашего столетия на вопрос о самоназвании

они отвечали по-разному: турки, аджарские турки, грузины-турки, грузины-мусульмане, татары. В русской литературе утвердился этноним месхетинские турки.

Отметим и работу Г.Ю. Ситнянского об этнониме «бай» (с. 74–84). Это имя не только этническое; как топонимическое оно присутствует на обширной территории Евразии: в Сибири, в Средней и Центральной Азии, в Тибете и Китае. Одни исследователи считали термин бай тюркским словом, другие – монгольским, третьи – кетским, четвертые – самодийским. Автор находит его истоки у племени «пегих лошадей», т.е. у алатов или бома. Последний этноним восходит к китайскому термину, обозначающему опять же «пегую лошадь». Наверное, этот этноним можно считать калькой с тюркского термина ал-ал. Чем же объяснить обширный ареал имени бай? Г.Ю. Ситнянский рисует такую картину: потерпев поражение в борьбе с китайцами, алаты расселились на просторах от Днепра до Хингана, а также частично ассимилировались китайцами и тем самым приняли участие в их этногенезе. Статья Г.Ю. Ситнянского подкупает систематизацией большого фактического материала и его историко-онимастическим толкованием.

В рецензируемом сборнике широко представлена антропонимия разных народов мира. Антропонимия прусских меннонитов XVI в. посвящена статья С.В. Соколовского. Вопросы абхазской антропонимии рассмотрены в статье В.К. Кецаба. Древнеселькупские имена проанализированы в статье С.М. Малиновской.

В работе С.К. Темира рассматриваются личные имена мариупольских греков (с. 104–112). Автор отмечает, что среди мариупольских греков, переселившихся из Крыма, были тюркоязычные греки-урумы и эллинизированные греки-румы. Колонисты принесли в Донецкую область многие крымские топонимы, среди них Ялта, Керменчик, Енисала («Новая деревня») и др. Антропонимия урумов отражает тюркские имена, а у румеев – греческие: первых оказалось больше половины.

Большой интерес представляет работа В.А. Колесника «Личные имена и прозвания болгарских поселенцев юга Украины».

В статье Б.-Р. Логашовой анализируются антропонимы в названиях мусульманских праздников и обрядов. Новые материалы по антропонимическим процессам вьетов Вьетнама и народов тропической Африки представлены в статьях А.Н. Лескинен и Э.С. Львовой.

Проблемы теонимии освещаются на примере теонимии японцев и корейцев. Именам богов в японских народных песнях посвящена статья А.Р. Садовой. Проблема изучения ономастикона древнекорейского мифа о Тонмёне (к проблеме древнекорейских протоалтайских параллелей) затрагивается в работе Р.Ш. Джарылгасиновой. Автор пишет, что «исследователи обращали внимание на близость таких древнекорейских понятий как тонмен, тонмэп, тынго (Небесное божество) с древнетюркским танги, тангри, обозначающим верховное божество Неба... Такое сопоставление представляется нам очень плодотворным» (с. 151). Замечу, в последние годы появились работы, показавшие совпадения слов и значений в корейском и алтайских языках. Такая сопряженность видна и в географической терминологии и в топонимии. Сравним монгольское сондок «небольшой холм, песчаный бугор, поросший кустарником» и корейское ондок «бугор, горка, холм». Теоним Тангри (Тангри) в разных формах и близких значениях присутствует во многих языках Евразии.

Ряд статей сборника посвящен проблемам топонимии. Новые оригинальные материалы легли в основу статьи В.А. Липинской «Ойконимы липован» (с. 154–161). В.А. Липинская проанализировала наименования поселений липован (русских старообрядцев) в бассейне Дуная в XIX в. При этом 34 (48%) названий оказались славянскими: Белокриница, Климовцы, Камень, Подковка, Переправа, Сороки, Комаровка, Муравлевка, Некрасовка (по антропониму) и Липово, Липовени, Липовцы (по этнониму).

Т.П. Федянович в статье «О некоторых особенностях мордовской топонимии» показала, что в наименовании населенных мест Мордовии сосуществуют официальные и народные формы, как правило, восходящие к русским или мордовским топонимам. Например, Крюковка и Крюку, Каретино и Керата/Кярата, Каргашино и Каргаша. Встречается и калькирование, полное или частичное: Низовка и Ало Веле («Нижняя деревня»), Мордовская Поляна и Мокшень Кужня, где кужня опять же имеет значение «поляна».

В статье Б.И. Арсамаков «Топонимические аспекты хронологии башенных поселений Горной Ингушетии» (с. 168–174) определена хронология возникновения подобных поселений. Такие башни ингуши именуют «гала», что легко сопоставимо с широко распространенным на Кавказе, в Средней и Центральной Азии, а также на Ближнем Востоке словом «кала» – «крепость, укрепленное место». Строительство гала, как правило, относится к XII–XIV вв., однако, наличие горodka мертвых в древнем башенном ауле Йовля позволило автору датировать его VI в. Он отмечает также, что в некоторых наименованиях населенных пунктов видны тюркизмы и иранизмы: Каштам, Кошк, Эгикхала.

Интересные материалы обобщены в статьях Л.А. Ивановой «Из истории европейской топонимии архипелага Вануату (XVII–XVIII вв.)» и А.А. Ожигановой «Организация пространства и топонимия утунческой коммуны Ауравиль».

Знакомство с материалами книги «Имя и этнос» подтверждает известное положение о том, что в основе большинства имен (будь то личное имя, название народа или географическое наименование) лежит имя нарицательное. Однако, попадая в разряд собственных, оно приобретает новое качество, обладающее

конкретной исторической, этнической, географической или иной информацией. Иногда эта информация проста и легко понятна, но в большинстве случаев требуется сложная и кропотливая работа для ее расшифровки. Однако нередко содержание, смысловое значение имени остается за «семью замками».

Думается, что сборник «Имя и этнос» привлечет внимание читателей и займет достойное место в изучении этнической ономастики.

Примечание

¹ Из работ, опубликованных за последние годы Группой ономастики или при ее активном участии, можно отметить: «Имя-этнос-история» (М., 1989, 200 с.); «Ономастика Поволжья (Материалы Шестой конференции по ономастике Поволжья)», ч. I (М., 1991, 199 с.), ч. II (М., 1992, 193 с.); *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993, 222 с.

Э.М. Мурзаев

© 1998 г., ЭО, № 1

Н.А. Лопуленко, Т.Б. Уварова

РУССКИЕ В НОВОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

(обзор по материалам серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»* за 1991–1996 гг.)

Актуальной задачей прикладных исследований с 1991 г. стало изучение проблем русского населения в бывших союзных республиках. Политические события начала 1990-х годов в СССР привели к тому, что 145 млн. русских, считавших себя гражданами единого государства, имевших одинаковые права, свободно перемещавшихся в пределах страны, вдруг оказались жителями 15 независимых государств, разделенных государственными границами. Изменения в политической ситуации вызвали существенный отток русских из бывших союзных республик, поскольку их положение сильно осложнилось и в политическом, и в экономическом, и в социальном аспектах. Для того чтобы остаться в республике, нужно было либо приспособляться к предложенным условиям, либо отстаивать свои права в политической борьбе.

Вопрос о положении русских и других национальных меньшинств в той или иной форме возник с начала 1990-х годов во всех новых государствах, но степень остроты его в каждом из них была различна. Тем не менее, можно выделить два основных подхода в решении национального вопроса в тот период. В первом случае многонациональность в новых самостоятельных странах воспринималась их руководством и титульным народом как негативное явление, наследие советской системы, и правительство с помощью законов, ограничивавших гражданские права русскоязычных жителей, пыталось вытеснить их из страны. Такая тактика нарушала права человека, создавала обстановку нестабильности. Подобный подход использовался, например, в Молдавии, Латвии, Эстонии, в некоторых государствах Закавказья и Средней Азии. Во втором случае проблемы национальной жизни решались, исходя из реальности. Морально-политический климат в таких государствах был значительно мягче и спокойнее, чем там, где наблюдалась дискриминация. К таким государствам относятся Белоруссия.

Одной из первых на заявленную в заглавии тему в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» стала статья В.К. Мальковой¹. Переход республик в новое качество – независимые государства – был, по ее мнению, связан с интенсивной пропагандой национальной идеи – идеи возрождения своего народа, давшего название государству. Ее воплощение отражалось не только на психологическом самочувствии русского населения, но и в экономической, политической, культурной, правовой сферах жизни новых стран.

Автор отметила также, что состав русской диаспоры был неоднороден по регионам, различия между русскими, проживавшими в Грузии и Латвии, Эстонии и Узбекистане, были очень существенными. Эти особенности, а также длительность проживания в стране, перспективы на будущее, отношения с местным

* Об этой серии см.: Н.А. Лопуленко, Т.Б. Уварова. Народы Сибири и Крайнего Севера в период преобразования общественно-экономических отношений // ЭО. 1997. № 6.